

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

паемых в нем имен: наместник ал-Му'тадиди Бедр (пбн Сулейман) является, например, в шести пьесах (1,21, 3,15, 4,4, 9,26, 10,12, 14). Кроме него встречается, конечно, целый ряд менее известных нам из истории фигур. Интересно отметить поэтическое исповедание ши'итских симпатий Бекра (№ 12, ст. 8, 9, 11).

Текст обоих диванов дан в очень удовлетворительном виде. Некоторые сомнения возникают, вероятно, от опечаток в литографии и на них не имеет смысла останавливаться. За обогащение наших источников сразу двумя неизвестными раньше диванами все арабисты будут благодарны как издателю Мухаммеду ас-Сурати, так и доставившему материал для издания Г. Кренкову.

И. Крачковский.

П. Февраль 1922 г.

4. M. T. Czaplicka. *The Turks of Central Asia in History and at the Present Day. An Ethnological Inquiry into the Pan-Turanian Problem, and Bibliographical Material relating to the Early Turks and the present Turks of Central Asia.* Oxford 1918. 242 pp. 8°.

Книга написана еще до окончательного решения исхода мировой войны, хотя на стр. 120 уже упоминается объявленное 1 ноября 1918 г. перемирие между союзниками и турками. Большая часть книги относится к более раннему политическому моменту, и в основу ее положена лекция, читанная автором¹ 24 октября 1917 г. в лондонской школе востоковедения². Посвященное рассмотрению политических вопросов приложение В говорит о замене в Германии берлинско-багдадского проекта проектом дороги из Берлина через Бухару в Пекин — проектом, осуществление которого представлялось возможным после заключения Брест-Литовского мира и дополнительного договора к нему. Автор старается доказать ненаучность проблемы туранизма, несоответствие между ней и действительными фактами этнографии и культурной истории, хотя предсказывает, что самая проблема останется «жгучим вопросом» еще долго после установления окончательного мира в Европе и Азии.

Автор привлек к рассмотрению этнографических и исторических вопросов значительную литературу, особенно на русском языке, но не является

¹ Из заглавного листа видно, что M. A. Czaplicka — воспитанница одного из оксфордских женских колледжей (Somerville College) была преподавательницей этнологии в оксфордской School of Anthropology.

² Директор школы Sir E. Denison Ross упоминается в предисловии в числе лиц, читавших книгу в рукописи и давших автору полезные указания.

специалистом в данной области, не знает турецких языков (это видно из сближения слова кызыл «красный» с *kysi* мап, стр. 54, т. е. киши; дальше, стр. 57, снова встречается неправильная транскрипция *kysi*), не имеет вполне ясного представления об истории науки и не в состоянии разобраться в противоречивых мнениях ученых. Автор не вполне убежден (это видно из его оговорки, стр. 61: *if it is right to identify Tura with Turks*) в основательности упоминаемого им в другом месте (18) мнения Блоша о тождестве «туров» Авесты с турками, но совершенно не упоминает о мнении, широко распространенном среди ученых, особенно среди иранистов, по которому туры были иранским народом, и потому не возражает против употребления слова «туранский» в смысле «урало-алтайский», упоминает даже, без отрицательной оценки, о попытке Макса Мюллера поставить рядом с северно-туранской (урало-алтайской) лингвистической группой южно-туранскую (некоторые из иранских языков Индустана и Индо-Китаи); не говорится о попытке распространить термин «туранский» на язык до-семитического населения Месопотамии. Ненаучным представляется ему, во-первых, употребление лингвистического термина для обозначения расовой принадлежности, во-вторых, еще в большей степени, употребление, слова «туранский» в смысле «турецкий», когда такое же право на это название имеют языки тунгусские и монгольские (19). Из книги автора мы не узнаем, что слово «туранский» вызывает резкие возражения и как лингвистический термин, хотя Нельдеке, считающий вопрос об иранстве туров не вполне решенным (*ausgemacht*), настаивает на сохранении слова «туранский», как удобного термина для обозначения большой группы народов; вполне соответствующих своему (первоначальному) значению научных терминов, по его мнению, вообще не существует¹.

В классификации турецких наречий автор больше всего примыкает к Вамбери, только соединяет из пяти групп Вамбери четыре группы в одну—«восточных турок», в противоположность западным (туркам османской империи, Персии и Афганистана). Как деление более географическое и культурно-историческое, чем лингвистическое, предлагается делить восточных турок на «иранских» и «туранских»; к первым относятся турки, поселившиеся в стране, уже в Авесте относимой к Ирану. В действительности, как известно, различие между «арийцами» и «турами» остается в Авесте географически совершенно неопределенным. Насколько это деление неудачно, видно хотя бы из того, что к иранским туркам причисляются таранчи (36), к туранским — кашгарцы (58); между тем таранчи только в XVIII в. были

¹ ZDMG, LVI, 431.

переселены китайцами из Кашгарии в Илийскую долину, т. е. представляют тот же народ, как кашгарцы, о которых книга вообще дает совершенно неправильное представление; говорится, что они преимущественно скотоводы, «большую частью» мусульмане. «особенно те из них, которые находятся в китайском подданстве» и принадлежат к «чистейшим туранцам по языку, вероятно также по физическому типу». К туранским туркам, по месту жительства, причисляются кирен (57); совершенно не принимается во внимание факт, о котором автор мог бы узнать хотя бы из книги Н. А. Аристова¹, что кирен входят в состав киргиз-казакского народа (автор везде пишет «кайзак»), именно средней орды; киргиз-казаки вообще причисляются к иранским туркам, хотя в то же время им приписывается «промежуточное положение между обоими группами» (39). Неудачное деление на иранских и туранских турок нужно автору для того, чтобы доказать отсутствие среди восточных турок культурного единства (едва ли этот факт нуждается в доказательствах). По мнению автора (79), жизнь иранских турок всецело определялась «устарелыми остатками арабско-персидских цивилизаций, постепенно подвергавшимися влиянию медленного, тяжеловесного прогресса русской культуры»; туранские турки сохранили свою первоначальную культуру, не подчинившись ни арабско-персидской, ни китайской, но находятся в полной экономической зависимости от русской колонизации и из всех турок более всего подвергаются влиянию русской крестьянской жизни.

В истории восточных турок различаются четыре эпохи: 1. от первого смутного упоминания турецких народностей в древнейших китайских летописях и в Авесте до VI в. по Р. Х.; 2. от VI в. (появление названия турок) до XIII в. (монгольское нашествие); 3. от империи Чингиз-хана до начала русского наступления в XVII в.; 4. борьба с Россией и русское управление до революции 1917 г. (61). Сравнительно много места отводится археологическому материалу (80 и сл.), хотя вопрос об этнографическом и хронологическом приурочении этого материала остается нерешенным; говорится только, что нет доказательств в пользу принадлежности народа бронзового века к другой расе, чем народ железного века (107). Интересные замечания заимствуются из новейших трудов финляндского ученого Тальгрена, по мнению которого сипсейская бронзовая культура сложилась более всего под влиянием иранского Туркестана; влияние Китая, так мощно проявляющееся в железном веке, в период бронзы менее заметно; цинк, входящий в состав сипсейской бронзы, в Китае не употреблялся (88). В спорных

¹ О ней ЗВО, XI, 341.

вопросах об этнографическом происхождении исторических народностей автор не имеет собственного мнения и только отмечает пристрастие специалистов к племенам, составляющим предмет их изысканий; отсюда пансамо-едские теории Кастрена и Кострова (55), панмонголизм о. Иакпифа Бичурина, теории «турколога» (*Turkic scholar*; в этом случае предположение о специальности исследователя оказалось ошибочным) Аристова: специалистом по исследованию тунгусов на основании переведенных о. Иакпифом китайских текстов могли бы быть созданы такие же тунгусские теории (74). Некоторое увлечение средне-азиатским искусством проявляется в мнении автора, что впоследствии шкакие турки в Средней Азии не достигли такой культурной высоты, как первые турки, воспользовавшиеся арийским искусством и семитской письменностью (99). Правильно отмечается (101), что в период енисейских и орхонских надписей турки были не столько степным, сколько лесным народом (автор мог бы прибавить, что такое же передвижение из лесов в степь впоследствии совершили монголы); но совершенно неверно мнение (107), основанное только на ошибочном переводе В. В. Радлова, будто автор надписей Кюль-тегина и Бильге-хана (или хан, которому эти надписи влагаются в уста) уговаривал свой народ довольствоваться дарамы своей страны и осуждал стремление к завоеваниям. Слов «*Whence came your lust for warfare?*», в переводе Радлова «*von wo ist die Waffenfreude gekommen und hat (dich) fortgerissen*»¹ в надписи пер.

Автор приводит заглавия некоторых из своих трудов о Сибири, ее древностях и ее населении, но с Туркестаном он, повидному, совершенно незнаком, и потому мы находим в его книге совершенно неправильное толкование статистических цифр, заимствуемых из русских официальных изданий, особенно, из «Азиатской России»². Так говорится (28), что мусульмане по переписи 1897 г. составляли 99% «турок в Фергане», в действительности эта цифра относится ко всему населению Ферганы; если сложить цифры, указанные переписью для заведомо не-турецких и не-мусульманских элементов, то итог оказывается даже несколько более значительным, чем

¹ W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften, Neue Folge*, 132. Ср. перевод той же строки (R. K 23 = Th. I E 23) у Томсена (*Inscr. de l'Orkhon*, 105) и Мелиоранского (ЗВО, XII, 70 и 115).

² Ср. ЗВО, XXII, 337 и сл. В статистических таблицах «Азиатской России» с цифрами переписи 1897 г. сопоставляются данные за 1911 год на основании «подсчета по приблизительным сведениям местных губернских и областных статистических комитетов» (Лз. Р., I, 64); предполагаемого автором (22) «additional local census of 1911», с регистрацией лингвистических данных «более внимательными наблюдателями» (*more careful observers*), на самом деле не было. С другой стороны непонятно почему автор считает сведения 1911 г. о распространении православия менее точными, чем сведения о языке населения.

цифра, получаемая при вычете числа мусульман из общего числа жителей¹; не-мусульманских турок в Туркестане не нет. Столь же страшен вывод (29), что ислам в Туркестане повидному, еще распространяется, так как в 1897 г. мусульман было 6.996.654, в 1911 г. 8.233.982², в действительности это увеличение объясняется частью естественным приростом, частью притоком переселенцев. напр. из Персии в Закаспийскую область, где в 1897 г. считалось представителей подо-иранской ветви 8.599, в 1911 г. 24.350³.

Только неосведомленностью автора объясняются слова о взятии в 1868 г. Самарканда, «столицы иранских турок» (79); Самарканд к этому времени давно утратил свое прежнее значение. Несовсем соответствует действительности слова о Средней Азии, как месте столкновения различных культурных и политических влияний за все время своей истории, «за исключением, может быть, периода между XIV и XVII веками» (110). В действительности и эпоха тимуридов (XV в.) была для Средней Азии еще временем оживленного международного общения. Упомянув о трудах ученых различных национальностей в новейшее время по изучению древностей Средней Азии, автор высказывает мнение, что никакая лига наций не могла бы создать более полной гармонии, и выражает надежду, что в будущем такое же международное сотрудничество окажется возможным в области политики (111). В действительности, как известно лицам, близко стоявшим к делу, гармония и в области научных исследований была не так велика.

Много места (стр. 121 — 234, т. е. почти половина всей книги) отведено библиографии. Тем не менее автор признает неизбежность пробелов (121 п. сл.), которые, действительно, встречаются. Из ценных русских работ не упоминаются, напр., работы Л. С. Берга, К. А. Иностранцева (кроме составленной совместно с Я. И. Смирновым археологической библиографии), В. И. Масальского. Случается, что в библиографии опущена статья, на которую есть ссылка в тексте книги (ср. ссылку на статью А. Н. Самойловича, 42; в библиографии не упомянута ни эта статья, ни вообще статьи А. Н. Самойловича в «Живой Старине»). Случается, что статья вносится в библиографию по отдельному оттиску, без указания издания, где она появилась (статья бар. А. Ф. Сталь-Гольштейна в ЗВО, XX, 09—022). Заглавие русской книги иногда восстанавливается предположительно;

¹ Всего в Ферганской области 1.572.214, мусульман 1.557.057, т. е. не-мусульман 15.157; по национальностям (Аз. Р., I, 82) русских 9.842, монголов и бурят 45, финнов 695, культурных народов Дальнего Востока 159, западных европейцев 3.419, евреев 1.118, всего 15.278.

² Аз. Р., I, 236; цифра относится не к Туркестану, но ко всей Средней Азии, со включением областей бывшего степного генерал-губернаторства.

³ Аз. Р., I, 85.

оттого «Краткая история Кокандского ханства» В. П. Наливкина обратилась в «Историю ханата Коканда». Довольно часты недоразумения с фамилиями русских ученых; А. Д. Рудневу приписана статья Н. Руднева о древних городах по Сыр-дарье; с другой стороны, К. Г. Залеман разделен на два лица, Салеман (sic) С. и Салеман К. Г. Довольно часты опечатки в заглавиях, при том не только русских работ; ср. заглавие изданного Блошэ труда Рашид-ад-дина (Fricasseurs de Schinkkiz Khaghan вм. Successeurs de Tchinkkiz Khaghan). Тем не менее за эту библиографию, несомненно, будут благодарить автора все, кто будет ею пользоваться.

В. Б.

5. Miss Ella Sykes and Brigadier-General Sir Percy Sykes. Through deserts and oasis of Central Asia. Lond. 1920. XII, 340 p. 8°. Ill.

Авторы посетили Китайский Туркестан в 1915 г., когда сэр Перси Сайкс был назначен заместителем кашгарского генерального консула сэра Джорджа Макартнея, получившего отпуск для поездки в Англию (с апреля по ноябрь). Большая часть книги (стр. 3 — 231) принадлежит мисс Элле Сайкс и включает в себе живой и бесприязательный рассказ о путешествии от Ньюкестля через Немецкое море, Скандинавию, Финляндию и Россию до Кашгара, о пребывании в этом городе, о поездках на Памиры, в Сарыкол, Яркенд и Хотан. Рассказ проникнут симпатией к населению, хотя и высказывается обычное ошибочное мнение об исламе, будто бы «пропешемся по Китайскому Туркестану, подобно большой волне» (стр. 218). Интересны между прочим, замечания о повышении, с 1896 г., уровня памирского озера Кара-куль (134)¹, об исмаилитах Сарыкола (155) и их Духовенстве — *мухйи* (157), о приурочении к одной из гор Сарыкола легенды о Хосрое Парвизе (с заменой его Афрасиабом), Ферхаде и Шприн (155 и сл.)², о подвижности кашгарцев и алатин яркендцев с их наследственной, упоминаемой еще Марко Поло болезнью — зобом (184 и сл.), о большей свободе женщин по мере приближения к Китаю (189 и 200), о бумажном производстве в городе Гумà³ (198), и многое другое.

Гораздо менее выгодное впечатление производят главы второй части, составленные сэром Перси Сайксом и посвященные географическим, историческим и экономическим вопросам. Очерк истории Кашгарии, занимающий

¹ О прибыли озер в Средней Азии ср. ЗВО, XIV, 057 и XVII, 091.

² О приурочении той же легенды к берегам Сыр-дарьи см. ЗВО, XXIII, 416.

³ В книге Корнилова (Кашгария, 310) говорится только о выделке писчей бумаги в Хотане и Яркенде.